

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ В РАБОТАХ ДЕЯТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ*

В статье дан анализ основных подходов к осмыслению феномена преступности как социального явления, ее причин и направлений противодействия в работах французских энциклопедистов эпохи Просвещения.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, философия, причины преступности, Монтескье, Руссо, Гольбах, Гельвеций, Вольтер.

The article analyzes the main approaches to understanding the phenomenon of crime as social phenomenon, its causes and counteraction directions in works of the French Encyclopaedists of Enlightenment.

Key words: Enlightenment, the philosophy, the causes of crime, Montesquieu, Rousseau, d'Holbach, Helvetius, Voltaire.

Существование преступности как явления социальной действительности характерно для всего периода развития человеческой цивилизации, берущего отсчет со времени появления первых государственно-правовых институтов. Причины преступного поведения человека (признаваемого таковым ввиду своей наибольшей общественной опасности), а позднее и вопрос о причинах преступности в целом на протяжении уже нескольких последних тысячелетий интересуют пытливые умы философов и практические умы государственных деятелей. Мало найдется в истории примеров выдающихся правителей, которые бы не стремились разработать комплекс мер (в первую очередь, конечно, законодательных), направленных если не на искоренение, то на уменьшение распространения преступности. Не существовало в древности, пожалуй, ни одной мировоззренческой концепции, так или иначе не объяснявшей феномен подобного отклоняющегося от нормы и опаснейшего для окружающих поведения человеческих индивидов.

Заметный след в исследовании данного вопроса оставило и философское наследие эпохи Просвещения. Так, его выдающийся деятель Шарль Монтескье в главном труде своей жизни «О духе законов» (хотя и очень кратко, фактически мимоходом и крайне поверхностно) коснулся проблемы причин преступности, но зато под неординарным углом взглянул на ряд фундаментальных институтов современного уголовного права и уголовной политики в общем (например, классификацию преступлений, субъективную сторону преступного деяния, цели и содержание наказания и др.). Это позволило некоторым последователям Монтескье на уголовно-политической ниве впоследствии назвать его «отцом уголовной политики» как научной дисциплины¹. Размышляя о предупреждении отдельных видов преступлений, и соответственно, об их причинах, Монтескье, например, считал причинами половых преступлений (или, как он их называл, преступлений «против естества») дурное воспитание, а также многоженство одних и отсутствие жен у других; причинами преступлений, покушающихся на интересы государственной власти, — ограничение свободы граждан и т.д.²

Жан-Жак Руссо, в свою очередь, в собственных сочинениях последовательно отстаивал идею об обуслов-

ленности социальных противоречий, в т.ч. и преступности, существующим общественным строем, а именно связывал ее появление в качестве социального феномена с появлением института собственности и, соответственно, общественного неравенства. «...Ненасытное честолюбие, — писал он, — страсть к увеличению относительных размеров своего состояния... внушает всем людям низкую склонность взаимно вредить друг другу, тайную зависть... Все эти бедствия — первое действие собственности и неотделимая свита нарождающегося неравенства»³.

Далее, продолжает Руссо, «когда владения, переходящие по наследству, возросли в числе и размерах настолько, что покрыли собою всю землю и стали все соприкасаться друг с другом, то одни владения могли расти уже только за счет других; и остальные люди, оставшиеся ни с чем... стали бедняками, ничего не потеряв; все изменилось вокруг них, но сами они не изменились и оказались вынужденными получать или похищать средства к существованию из рук богатых; и отсюда начали возникать, в зависимости от различий в характерных особенностях тех и других, господство и порабощение или насилие и грабежи»⁴. В силу этих причин он рекомендует законодателю разрабатывать не карательные, а предупредительные меры предупреждения подобных последствий: «Глупец, которому повинуются, может, как и всякий другой, карать преступления — настоящий государственный деятель умеет их предупреждать; он утверждает свою достойную уважения власть не столько над поступками, сколько, в большей еще мере, над волею людей»⁵. При этом главный акцент Руссо делает на необходимости упорядочивания экономического состояния страны, выдвигая в качестве основополагающего принципа такой деятельности следующий постулат: «Самое необходимое и, быть может, самое трудное в правлении — это строгая неподкупность, чтобы всем оказать справедливость и, в особенности, чтобы бедный был защищен от тирании богатого. Самое большое зло уже свершилось, когда есть бедные, которых нужно защищать, и богатые, которых необходимо сдерживать. Только в отношении людей со средним достатком законы действуют со всей своей силой; они в равной мере бессильны и против сокровищ богача и против нище-

* BAHAREV D.V. THE CAUSES OF CRIME AS A POLITICAL-PHILOSOPHICAL CATEGORY IN WORKS OF THE FRENCH ENLIGHTENMENT FIGURES

ты бедняка; первый их обходит, второй от них ускользает; один рвет паутину, а другой сквозь нее проходит». Поэтому, утверждал мыслитель, «одно из самых важных дел правительства: предупреждать чрезмерное неравенство состояний, не отнимая при этом богатств у их владельцев, но лишая всех остальных возможности накапливать богатства; не воздвигая приютов для бедных, но ограждая граждан от возможности превращения в бедняков»⁶.

И последнее, на что нельзя не обратить внимания при осмыслении творческого наследия Руссо в части интересующих нас проблем, это его размышление о порочности самого закона, что нередко, по его мнению, является причиной правонарушений: «Надо, прежде всего, признать, что чем более неистовы страсти, тем более необходимы законы, чтобы их сдерживать. Но помимо того, что беспорядки и преступления, которые ежедневно вызывают среди нас эти страсти, довольно хорошо показывают недостаточность законов в этом отношении, было бы еще неплохо исследовать, не родились ли вообще эти беспорядки вместе с самими законами; ибо в том случае, если бы они были способны бороться с беспорядками, то самое малое, чего от них следовало бы потребовать, — это чтобы они покончили с тем злом, которого без них вообще бы не существовало»⁷.

Клод Гельвеций в своих философских трудах также обосновывал идею об обусловленности человеческих пороков, в т.ч. и преступных, несовершенством законодательства. Сами же люди, по мнению Гельвеция, являются по своей природе ни дурными, ни хорошими: социальная среда и обстоятельства делают их такими. К числу же наиболее характерных проявлений «неправильного» социального устройства, продуцирующих преступность, философ относил человеческие страсти и неравномерное распределение национального богатства, выражающееся, как считал Гельвеций, в чрезмерной, неоправданной роскоши: «Не будучи злом сама по себе, она (роскошь — Д.Б.) становится еще большим злом благодаря порождаемому ею разнообразию вкусов. Кто усвоил эти вкусы, тот желает их удовлетворить. Но для этого нужны огромные суммы. И тогда нет никаких границ для стремления к богатству. Нет ничего, чего бы ни сделал человек для приобретения его. Добродетель, честь, отечество — все приносится в жертву любви к деньгам...»⁸. Последствия сложившейся ситуации, доказывал Гельвеций, губительны для государства: «Чрезмерная роскошь, сопровождающая почти всюду деспотизм, предполагает, что народ уже разделен на угнетателей и угнетаемых, на воров и обворовываемых... Таким образом, грабеж народа, находящегося под игом деспотизма, продолжается до тех пор, пока, наконец, обезлюдение и обнищание страны не приведут к подчинению могущественному соседу как воров, так и обворовываемых. Доведенный до этого состояния народ состоит лишь из нищих, потерявших всякое мужество, и из лишенных совести разбойников. Он окончательно пал и лишился доблести»⁹. Таковы плачевные результаты неправильной организации общества, когда «существует только два класса граждан: один — лишенный самого необходимого, другой — пресыщенный излишествами.

Первый класс может удовлетворить свои потребности лишь путем чрезмерного труда. Такой труд есть физическое зло для всех, а для некоторых — это мучение. Второй класс живет в изобилии, но зато испытывает от скуки. Но скука есть такое же страшное зло, как и нужда»¹⁰.

Иное дело, — полагал Гельвеций, — государство, в котором богатства приблизительно равномерно распределены между гражданами, в котором все защитны по сравнению с гражданами других государств: «В такой стране нет человека настолько богатого, чтобы он мог подчинить себе своих соотечественников. Каждый, сдерживаемый здесь своим соседом, занят более тем, чтобы сохранить, чем тем, чтобы отнимать. Поэтому желание сохранности становится здесь всеобщей и господствующей потребностью наиболее многочисленной богатой части народа. Но именно это желание, зажиточность граждан и уважение к чужой собственности способствуют у всех народов росту зачатков добродетели, справедливости и счастья»¹¹. Путь к достижению подобного результата Гельвеций видит в «уменьшении богатства одних и увеличении состояния других»: «нужно, — пишет он, — сделать бедняка настолько зажиточным, чтобы он мог путем 7 или 8 часов труда с избытком удовлетворять свои потребности и потребности своей семьи. Тогда он станет счастливым почти настолько, насколько это для него возможно»¹².

Барон Гольбах, исследуя вопрос о причинной обусловленности различных поступков людей вообще и совершения ими преступлений в частности, пришел к выводу о несвободном, механистическом характере человеческой деятельности: «Если бы человек внимательно исследовал себя, он понял бы, что все его движения отнюдь не самочинны, что его рождение зависит от причин, лежащих вне его власти, что без своего ведома он входит в систему, в которой занимает определенное место, что от рождения до смерти он непрерывно изменяется под воздействием причин, которые вопреки ему влияют на его организацию, видоизменяют его существо и определяют его поведение»¹³. Отсюда, — считает Гольбах, — все поступки людей никогда не бывают свободными; они всегда являются необходимым следствием их темперамента, воспринятых идей о счастье, а также воспитания и ежедневного опыта. «На земле наблюдается столько преступлений лишь потому, что все способствует тому, чтобы сделать людей преступными и порочными; их религиозные верования, их нравственность, их воспитание, наблюдаемые ими примеры — все это непреодолимо толкает их к злу»¹⁴. Комментируя такую свою позицию, Гольбах заявляет: «Религия делает их [т.е. людей — Д.Б.] бесполезными, низкими и трусливыми существами или готовит из них жестоких, бесчеловечных нетерпимых фанатиков. Верховная власть подавляет людей, заставляет их пресмыкаться и погрязать в пороках. Закон наказывает лишь мелкие преступления и не может справиться с порождаемыми самим правительством злоупотреблениями. Наконец, воспитание находится в загоне, отдано в руки обманщиков-попов или безнравственных и непросвещенных родителей, передающих своим воспитанникам терзающие их самих по-

роки и ложные взгляды, внушать которые выгодно этим горе-воспитателям»¹⁵.

Огромную роль также, по мнению философа, в этиологии преступности играют пороки государственного управления. «Разве так трудно, — недоумевает он, — понять желания народа при виде городов и сел, отданных на разорение жадным хищникам — взяточникам и са-трапам? Когда из-за непомерных поборов поля остаются невозделанными, а селения обезлюдившими? Когда самый тяжелый труд едва дает возможность земледельцу прокормить себя и найти защиту от непогоды? Когда законы явно служат лишь одной цели — лишить граждан собственности...? Когда богатства страны недостойно расточаются в виде наград кучке интриганов, доносчиков и льстецов за их порочную жизнь?»¹⁶. Результат подобного типа «хозяйствования», по мнению философа, всегда предсказуем: «При плохом правительстве тюрьмы всегда переполнены, а палачи всегда мучают и уничтожают людей либо совершенно невинных, либо виновных, которые всегда появляются во множестве при несправедливой администрации. Притеснения, пороки, невыполнение деспотической властью своих обязанностей увеличивают в обществе количество несчастных, а также праздных людей, которые скоро становятся порочными и преступными. Тщетно несправедливое правительство пыталось бы искоренить преступления, которые оно само постоянно порождает; лишь добродетельная политика, бдительно стоящая на страже общественных интересов, может сделать подданных добродетельными. Ни мучения, ни жесточайшие пытки не переделают плохих людей; только с помощью хороших законов и образования можно воспитать достойных граждан»¹⁷.

Во избежание подобных последствий Гольбах полагает целесообразным активно вовлекать в процесс управления внутренней сферой жизни государства непосредственно простых граждан: «Он (народ — Д.Б.) отлично различает, являются ли те общественные бедствия, которые он испытывает, следствием естественных причин или несправедливого и небрежного управления. Каким бы слабым ни считали его разум, у него всегда хватит ума, чтобы понять, что он обязан своей любовью тем, кто трудится ради его благополучия, безразличием — тем, кто им пренебрегает, враждебностью — тем, кто его притесняет. Народ вообще редко ошибается в распознавании заслуг. Его решения в этом деле бывают гораздо более верны, нежели решения тупоумного деспота, одураченного интригами двора»¹⁸.

Наконец, не прошел мимо указанной проблемы и еще один из «столпов» эпохи Просвещения — Вольтер. В своей работе «Награда за справедливость и гуманность» он характеризует имущественные преступления следующим образом: «Мошенничество, кража, воровство обыкновенно бывают преступлениями бедняков» и далее добавляет: «Раз законы написаны для бедных, то не кажется ли вам, что всякое правительство, находящееся в руках богатых, должно бы стремиться уничтожить нищенство вместо того, чтобы искать случая бороться с ним посредством палача. Никто, — продолжает он, — не обращает внимания на то, не совершена ли кража от-

цом семейства во время голода для того, чтобы накормить умирающую семью...»¹⁹.

Очевидно, что вклад каждого из мыслителей в построение фундамента зарождающейся криминологической науки вряд ли можно признать одинаково равноценным. Здесь мы видим и, по сути, равнодушный взгляд наблюдателя на истоки преступного поведения, сравнимый со скучающим взором дворянина-путешественника на пейзаж за окнами его роскошной кареты (что характерно для творчества родовитого аристократа Монтескье), и радикалистский для того времени подход Гельвеция и Гольбаха к вопросам классовой структуры, собственности и государственного устройства (позднее так развитый в философии К. Маркса), и актуальные до сих пор идеи Гольбаха и Руссо о необходимости формирования среднего класса как фактор, не только сдерживающий преступность, но и являющийся главной стабилизирующей силой на пути эволюции любого государственного образования и т.д. Однако именно такая широта диапазона и глубина осмысления не только преступности, но и других явлений социальной действительности, характерные (что было продемонстрировано выше) для творческого наследия французских энциклопедистов, явились той благоприятной почвой, на которой уже в следующем, XIX столетии так ярко расцвело древо наук всего общественного цикла — социологии, статистики, экономики, права и его отдельной ветви, значительно более других связанной с вышеуказанными отраслями, — криминологии.

Бахарев Дмитрий Вадимович,
старший научный сотрудник кафедры экономики
и права ГОУ ВПО ХМАО-Югры «Сургутский
государственный педагогический университет»,
кандидат юридических наук

¹ Чубинский М.П. Очерки уголовной политики : понятие, история и основ. проблемы уголов. политики как состав. элемента науки уголов. права. М., 2008. С. 200.

² Монтескье Ш.Л. Избранные произведения // <http://www.auditorium.ru/aud/p/lib.php?id=1581>

³ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 81–82.

⁴ То же. С. 82.

⁵ То же. С. 117.

⁶ То же. С. 124–125.

⁷ То же. С. 67–68.

⁸ Гельвеций К. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 338.

⁹ То же. С. 338–339.

¹⁰ То же. С. 382.

¹¹ То же. С. 339.

¹² То же. С. 383. См. подробнее об идеях Гельвеция: Герцензон А.А. Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата. М., 1956.

¹³ Гольбах П.А. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. М., 1963. С. 118.

¹⁴ То же. С. 222.

¹⁵ То же. С. 234.

¹⁶ То же. Т. 2. М., 1963. С. 227–228.

¹⁷ То же. С. 436.

¹⁸ То же. С. 245.

¹⁹ Цит. по: Ван-Кан Ж. Экономические факторы преступности. М., 1915. С. 35–36.